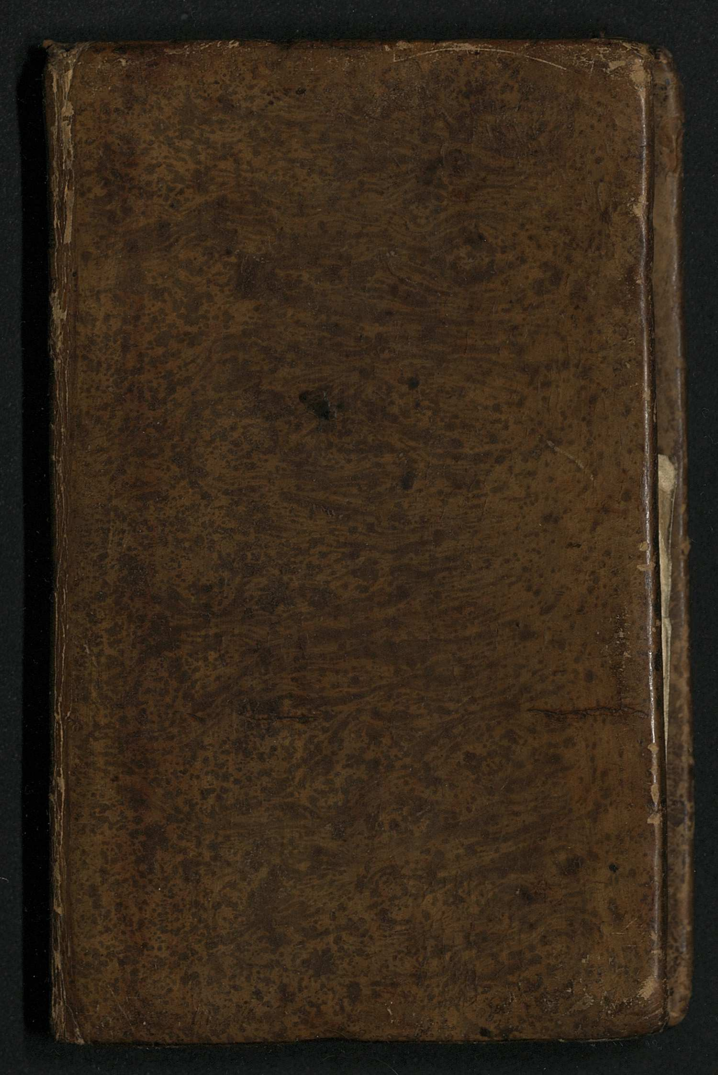
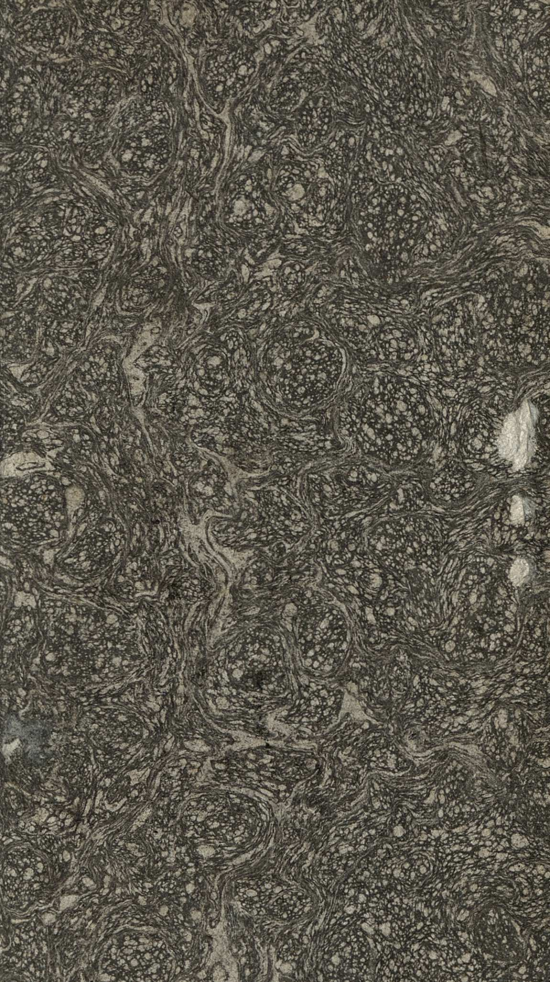

в плетени Мс.

ПЛАМИРЪ
И
РАИДА,
РОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ,
Сочиненія
К. Д. Горчакова.

МОСКВА,
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1796.

67.

По возложенной отъ Господъ Кураторовъ на меня должности, я разсматривалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Пламиръ и Раида*, и не нашелъ въ ней противнаго наставленію, данному мнѣ о печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ. — Натуральной Исторіи и Энциклопедіи Профессоръ и Ценсоръ,

Антонъ Прокоповичъ-Антонской.

Другу моему Н. П. Николеву.

Вотъ, любезный другъ, бездѣлка, которую я писалъ къ тебѣ, полтора года тому назадъ! Сердце твое плѣнилось ею для того, что она излилась изъ сердца друга твоего. Начертанїе Раиды обворожило тебя. Признайся, что естьли существуетъ подлинникъ, онъ долженъ быть тысячу разъ любезнѣе въ естествѣ, нежели въ описанїи.

Ты сказывалъ мнѣ, что читалъ ее многимъ, и что она многимъ понравилась; это мнѣ было прїятно: но ты полюбилъ ее — и она напечатана.

ПРИНОШЕНІЕ.

Раида! естьли ты существуешь гдѣ нибудь, кромѣ воображенія Сочинителя; о! сколь щастливъ долженъ быть смертный, удостоившійся сердца твоего! Но гдѣ искать тебя? — гдѣ? — Природа такъ обильна въ своихъ произведеніяхъ.... Впрочемъ, что нужды, мнѣ, существуешь ты или нѣтъ для другихъ? Прими твореніе мое; оно было бы совершенно, естьлибъ могло быть тебя достойно.

ПЛАМИРЪ И РАИДА,

Россійская Повѣсть.

Пламиръ почти въ младенчествѣ брошенъ былъ въ вихрь большаго свѣта. Пріятный видъ, соединенный съ раждающимися достоинствами, заставили его въ ономъ замѣтить; онъ возрасталъ между людьми, и въ двашцать лѣтъ могъ щитаться въ числѣ любезнѣйшихъ молодыхъ лю-

дей. Красота его усовершенствовалась, а дарованія, науками украшенныя, получили высочайшую свою степень .... бѣдственныя выгоды пламенному сердцу, судьбою гонимому! ... Нѣкоторые таланты въ словесности; храбрость, свойственная благородному Россіянину, и познанія въ военной части, заставили его раздѣлить жизнь свою между Музъ и Беллоны. Онъ отличился, пробѣгая оба поприща; испыталъ превратности щастія, почтенія человѣковъ, привязанности друзей и вѣрности любов-

ницъ. Женился; нашелъ супругу достойную обожанія, и думалъ, что блаженство уже въ рукахъ его. Но, увы! въ самой тотъ мигъ оно отъ него удалялось. Первый плодъ нѣжнѣйшей страсти раждаясь, похитилъ у него все, что онъ имѣлъ драгоцѣннаго .... обожаемую супругу. Она умерла, и нещастный Пламиръ, вдовецъ въ двадцать пять лѣтъ, нося образъ боготворимой подруги въ сердцѣ, а единороднаго сына, залогъ вѣрнѣйшей любви, въ объятіяхъ, съ разтерзанною горестію душею, и съ утомлен-

ными свѣтскою жизнію чувствами, удалился въ губернской городъ О ***

Душа его совершенно для чувствія любви была затворена. Все время, которое оставляло ему воспитаніе любезнаго сына, занималъ онъ науками. Онъ трудился съ пользою себѣ и согражданамъ своимъ. Въ городѣ ему удивлялись ... различнымъ образомъ. Одни, въ состояніи будучи чувствовать цѣну ему, жалѣли, видя толикія достоинства погребенными; другіе дивились, что онъ живетъ

не такъ, какъ они. Первые любили, и старались снискать его знакомство; другіе бранили и чуждались его. Отъ обоихъ онъ удалялся, испытавъ всю непрочность привязанности человѣковъ; онъ хотѣлъ быть зрителемъ на театрѣ міра, и думалъ, что успѣлъ въ томъ совершенно. Нещастной! усталость почиталъ онъ безчувствіемъ, а онѣмѣлость сердца равнодушіемъ. Между тѣмъ горесть о потерѣ супруги начала въ немъ уменшаться. Она не можетъ быть вѣчною, когда лишеніе любезнаго предмета отъ

судьбы одной произходитъ. Одно самолюбіе дѣлаетъ рану смертною, естьли получаемъ ее отъ подобныхъ намъ; ибо тогда досада имѣетъ пищу, и не перестаетъ терзать сердце, пока не сокрушитъ его. И такъ Пламиръ, чрезъ пять лѣтъ послѣ смерти супруги своей, началъ наслаждаться покоемъ, и уже благодарилъ Небо, приведшее его въ О ***, какъ вдругъ страшная буря въ единой мигъ все зданіе спокойствія его низвергла.

Златимъ, богатой Дворянинъ, удалившійся въ деревни свои, близъ О *** лежа-

щія, пріѣзжаетъ въ сей городъ съ дочерью своею Раидою. Начальники его ласкаютъ; и онъ рѣшится пробыть въ немъ зиму. Надобно имѣть общество. Златимъ слышитъ о Пламирѣ; вспоминаетъ, что видалъ его нѣкогда въ свѣтѣ; знаетъ его достоинства, и желая снискать знакомство его, къ нему пріѣзжаетъ: входитъ. — *Достоинства* ваши, сударь, говоритъ онъ удивленному Пламиру, напрасно скрываются; позвольте человѣку, чувствующему цѣну ихъ, стараться снискать пріязнь вашу, и пользовать-

ся любезнымЪ вашимЪ общеcтвомЪ. — Достоинства мои, сударь, очень малы, а общество мое слишкомЪ любезно быть не можетЪ. УединенЪ, далекЪ отЪ всѣхЪ произшествій міра, занятЪ однимЪ воспитаніемЪ сына моего, я давно потерялЪ даже и тотЪ пустой блескЪ, коимЪ умницы свѣта занимаютЪ собранія; но естьли искренность можетЪ удовлетворить васЪ, она будетЪ заплатою вѣжливости и привѣтствія вашего. —

ЗлатимЪ изЪ благопристойности сократилЪ первое сіе посѣщеніе, оставя вЪ

недоумѣніи Пламира. — Вотъ еще новая забота, сказалъ сей послѣдній самъ въ себѣ. Нечаянное знакомство! . . . . не будетъ ли оно мнѣ въ тягость? Увы! я думалъ здѣсь ото всѣхъ быть удаленнымъ, и вдругъ приходятъ нарушать мое спокойствіе. Опять въ вихрь свѣта! — Взглянулъ на сына . . . . вспомнилъ все, что претерпѣлъ въ жизни. — Естьли твой жребій таковъ же будетъ, сказалъ онъ, обнявъ его — и слезы чувствительности и соболѣзнованія окропили лице младенца.

Надобно заплатить посѣщеніе. На другой день Пламиръ наряжается . . . почти въ первой разъ съ пріѣзду въ О***, ѣдетъ къ Златиму, входитъ, и первый предметъ, поразившій взоръ его, есть Раида. Величественной ростъ и красота лица сей дѣвицы остановили его. Большіе томные глаза, въ коихъ чувствительность души изображалась какъ въ зеркалѣ, небеснымъ взглядомъ своимъ пронзили до внутренности его сердце, и внесли въ оное смущеніе раждающейся страсти. Пламиръ не отгады-

ваетъ сего, и чувство нѣжнѣйшаго пламени пріемлетъ за удивленіе видѣть въ отдаленномъ городѣ особу, толикихъ пріятностей исполненную. Уже языкъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ выражавшій однѣ правила строгаго разсудка, произноситъ привѣтствія. Раида пріемлетъ ихъ съ ангельскою скромностію. Видъ Пламира, на коемъ томная меланхолія, слѣдствіе претерпѣнныхъ имъ горестей, вмѣсто, чтобъ погасить остатки красоты, дѣлала его болѣе привлекательнымъ. Видъ его произвелъ въ душѣ Раиды сіе симпати-

ческое чувствіе, кое, встрѣтясь, ощущаютъ души, рожденныя другъ для друга. Тщетно Пламиръ начинаетъ говорить съ старикомъ. Рѣчь къ нему съ начала относящаяся, оканчивается всегда съ Раидою, и Златимово самолюбіе удовлетворяется, видя человѣка Пламировыхъ достоинствъ, удивляющагося его дочери. Онъ далекъ былъ отъ того, чтобъ слѣдствіе сего предвидѣть — но посѣщеніе кончено. Пламиръ откланивается; и послѣдній его взглядъ, устремясь невольно на Раиду, встрѣчаетъ

взглядЪ ея. Она краснѣетЪ; огонь, оживотворившій щеки ея, проницаетЪ вЪ душу Пламира, и зажигаетЪ ее на вѣки. ПламирЪ уже страстенЪ, а ниже о томЪ сомнѣвается; уходитЪ — но сердце его остается у ногЪ Раиды.

Не правда ли Раида, сказалЪ ЗлатимЪ, что мы нечаянно встрѣтили здѣсь прекрасное знакомство. — Да, батюшка. — ПламирЪ очень любезенЪ — кажется — Знаешь ли, что онЪ человѣкЪ рѣдкихЪ достоинствЪ? — Я — сЪ это слышала. — А не примѣтила? — Раида почти за-

краснѣлась. Онъ продолжалъ: ты въ обществѣ его много занять можешь, и тѣмъ болѣе полюбишься Блескару. Тутъ Раида стремительно отвернулась, чтобы скрыть блѣдность, которую смертный хладъ, объявшій сердце, разпростеръ на лицѣ ея ... Нещастная!

Теперь надобно сказать, что такое былъ Блескаръ; онъ былъ женихъ Раиды, избранной отцемъ ея, молодъ, хорошъ, знатенъ, богатъ, знающій все, ничему не учась; судящій обо всемъ, ничего не понимая; въ орденахъ, въ чинахъ; не мудре-

но .... Онъ былъ родня Боярамъ. Его ожидали нетерпѣливо для окончанія свадьбы изъ арміи, гдѣ онъ былъ волонтеромъ, для пріобрѣтенія лавровъ .... при главной квартирѣ. Раида шла за него равнодушно для того, что этого хотѣлъ отецъ ея; но послѣ посѣщенія Пламирова, при одномъ имени Блескара, смертная блѣдность помрачила розы щекъ ея.

Но обратимся къ Пламиру. Ядъ, влившійся въ сердце его, начиналъ дѣйствовать, и первое онаго слѣдствіе была скука, кото-

рую стало наносить ему уединеніе. Упражненія его сдѣлались ему тошны, а нѣжныя ласки сына въ тягость. Просыпаясь, первая мысль его была о томъ, гдѣбъ увидѣть Раиду. Общество ея сдѣлалось ему необходимымъ, и онъ началъ выѣзжать туда, гдѣ думалъ встрѣтить ее. Между тѣмъ случается праздникъ. Начальникъ даетъ маскерадъ. Ему присылаютъ билетъ — ѣхать ли мнѣ? — я такъ давно нигдѣ не бывалъ. — Привычка къ уединенію говорила, что маскерадъ будетъ въ тягость;

а сердце молвило: тутъ будетъ Раида .... и сердца послушались.

Пламиръ пріѣзжаетъ въ маскерадъ. Начальникъ встрѣчаетъ и благодаритъ его за пріѣздъ. Всѣ оступаютъ его, и изъясняютъ радость, что онъ наконецъ возвращенъ обществу. Онъ отвѣчаетъ на привѣтствія, но глазами ищетъ Раиды. Отыскиваетъ, подходитъ, хочетъ спросить, все ли вы здоровы? Но .... Раида была въ черномъ платьѣ, съ кружевнымъ покрываломъ, которое отъ жару было поднято. Онъ забылъ спро-

сить о здоровьѣ, а сказалъ: какъ хорошо вы сдѣлали, что подняли покрывало! Я бы всѣмъ прекраснымъ дѣвушкамъ запретилъ носить этотъ уборъ. — Раида покраснѣла, поклонилась, а онъ ее оставилъ. Между тѣмъ Раида пошла танцовать, а Пламиръ сталъ возлѣ нея. Долго ли, сударыня, мы будемъ имѣть у себя въ городѣ такую прекрасную и любезную дѣвицу? — Она промолчала — Я, сударыня, обѣ васъ спрашиваю. — Ежели вы говорите обо мнѣ, то я вамъ скажу, что это зависитъ отъ воли батюшкиной. — Дай Богъ,

чтобъ воля его была остаться надолго! — Ежели ему не поскучится — Ахъ! какъ бы я хотѣлъ окружить его весельями, чтобъ только долѣе пользоваться щастіемъ васъ видѣть! — Я знаю, что вы умѣете жить, и принимаю ваше привѣтствіе съ должною свѣтскому человѣку благодарностію. — Вы называете это привѣтствіемъ; нѣтъ, сударыня, я никогда не умѣлъ говорить ихъ; и ежели умѣніе жить состоитъ въ томъ, чтобъ говорить не то, что сердце чувствуетъ, такъ эта наука никогда мнѣ не была извѣстна. — Тутъ

Раидѣ досталось дѣлать выходѣ, и Пламирѣ удалился, не имѣя болѣе случая говорить сѣ нею вѣ тотѣ вечерѣ.

Между тѣмѣ Пламирѣ сталѣ знакомѣ вѣ домѣ Златима, и бывая тамѣ всякой день, часѣ отѣ часу болѣе возпламенялся. Ежедневное обращеніе сѣ Раидою, и нѣкоторой родѣ короткости, которую самѣ отецѣ искалѣ поселить между ими, возвели страсть его до высочайшей степени. Это уже была не тайна для Пламира, и рѣдкія достоинства и красота его любезной оправды-

вали сіи чувства въ его сердцѣ. Онъ совершенно предался любви своей, и дышалъ только для Раиды. Давно уже взгляды ихъ объяснили имъ взаимную нѣжность: но они говорили еще только глазами. Въ одинъ день Пламиръ пріѣзжаетъ къ Златиму, не застаетъ дома, и Раида его принимаетъ. Пламиръ нашелъ ее за книгою; она читала Вертера, которой тогда только лишь вышелъ. — Я вамъ помѣшалъ, сударыня. — Ни мало... напротивъ я очень рада вашему пріѣзду. — Однако эта книга такъ зани-

мательна; вы изъ вѣжливости ее оставили. — Этому можно помочь, и отъ васъ зависитъ сдѣлать мнѣ еще больше удовольствія. — Какимъ образомъ? — Вы такъ хорошо читаете! я могу васъ слушать. — Пламиръ взялъ книгу, и началъ читать. Пламенной слогъ автора получалъ новую душу въ устахъ Пламира. Всѣ оттѣнки чувствованій были выражены со всею точностію. Пламиръ находилъ подлинникъ сей книги въ сердцѣ своемъ . . . а сердце выражать умѣетъ. Раида сидѣла возлѣ него. Нечувствитель-

но голова ея почти наклонилась на плечо Пламира; локоть ея касался его локтю, взоры на него устремлялись; его голосъ проницалъ ей до внутренности сердца, и она чувствовала такъ, какъ онъ выражалъ. Дыханіе ея становилось тягостно. По окончаніи одного періода, гдѣ авторъ изображалъ весь огнь пылающей любви, Пламиръ остановился, взглянулъ на Раиду. Взоры ихъ встрѣтились, и взаимное чувство, подобно электрической искрѣ, мгновенно изъ одного въ другаго переселилось, и сопрясло сердца ихъ. — Повтори-

те это мѣсто, сказала трепещущимъ голосомъ Раида. — Которое, сударыня? — Голосъ уже изчезъ на устахъ ея, и она молча указала на книгу. — Вотъ гдѣ я его повторить долженъ, сказалъ Пламиръ, бросясь къ ногамъ ея, Божественная Раида! сколь слабы всѣ рѣчи автора для изъясненія того чувства, которое въ меня ты вселила! Емуль.... ему ли, хладному писателю, выражать огнь, пожирающій сердце мое? Я люблю тебя, Раида... больше жизни моей люблю; и естьли взаимное чувствіе

не наполняетъ сердца твоего, нѣжный, страстный Пламиръ погибъ. — Раида слушала его почти безъ памяти. Пламенная къ нему страсть, и извѣстныя ей обстоятельства замужства ея боролись нѣсколько секундъ. Наконецъ любовь взяла верьхъ . . . и Раида въ молчаніи повергласъ въ объятія Пламира: но вдругъ опомнясь, вырвалась изъ нихъ. — Что я дѣлаю? вскричала она. Ахъ! мнѣ не льзя быть твоею — Не льзя быть моею? сказалъ Пламиръ. . . Какая власть, какой Богъ можетъ отнять у меня Раиду, естьли она

сама мнѣ отдается? Нужна ли для того вся кровь моя, вся жизнь моя .... Я ими жертвую съ охотою. Жаръ, съ которымъ произнесъ сіе Пламиръ, заставилъ возтрепетать Раиду. Страхъ поразить его рѣшилъ нѣжную сію любовницу сокрыть, что она помолвлена, и ничего не щадить, дабы быть за нимъ. Есть ли жертва, на которую бы прямая любовь не рѣшилась? Есть ли что нибудь для нее невозможное? .... кромѣ того только, что отъ другаго зависитъ. И такъ Раида старалась ус-

покоить Пламира, прося его скрывать страсть, пока она не вывѣдаетъ искусно разположенія отца своего; и Пламиръ поѣхалъ щастливѣйшимъ изъ смертныхъ ... не надолго.

Что будетъ со мною? говорила оставшись одна Раида. Какъ перемѣнить судьбу мою? Какъ умягчить непреклоннаго, строгаго отца? Естьлибъ время.... но оно такъ коротко. Гнусный Блескаръ такъ скоро пріѣдетъ, и я погибла. — Слезы полились по блѣднѣющимъ щекамъ. Пламиръ еще болѣе страшилъ ее, не-

жели собственный ея жребій. Она видѣла, что ея любовникъ не есть любовникъ обыкновенной; что пламенныя чувства, всегдашніе спутники дарованій, изключали его изъ числа тѣхъ хладныхъ волокитъ, кои за должность почитаютъ не подходить къ женщинѣ безъ объясненія разхожей любви своей, и коихъ мертвенное сердце никогда не принимаетъ участія въ вытверженныхъ наизусть привѣтствіяхъ. Пламиръ или не глядѣлъ на женщину, или боготворилъ ее. Чувствительность души его не могла иначе развернуться,

какѣ сѣ чрезмѣрностію. Она была ничтожна, или огнь все пожирающій. Раида, одаренная проницательнымѣ разумомѣ, не менѣе какѣ и чувствительнымѣ сердцемѣ, сѣ небесною красотою соединеннымѣ, отгадала Пламира сѣ перваго раза, и возлюбила его; нашла вѣ немѣ душу, своей соотвѣтствующую, и рѣшилась погибнуть, или быть его.

Между тѣмѣ Пламирѣ всякой день видался сѣ Раидою . . . часто на единѣ . . . И тогда покрывая прелестныя руки ея пламенными поцѣлуями, и омывая ихѣ

слезами, вопрошалЪ, когда онЪ можетЪ изЪяснить отцу ея свое намѣреніе? Вмѣсто отвѣта, Раида каждой разЪ молча, повергалась вЪ его объятія; нѣжнѣйшими лобзаніями зажимала уста его; души ихЪ соединялись; и ПламирЪ забывалЪ вселенную и самаго себя.

ВЪ одинЪ день Злашиму, при сидящемЪ у него Пламирѣ, отдаютЪ посылку сЪ почты. Это былЪ портретЪ его дочери, по повелѣнію его вЪ Москвѣ писанной. Раида была на немЪ изображена Весталкою. ЗлашимЪ любуется имЪ .... и от-

даетъ посмотрѣть Пламиру. Сей восхищается, видя любезную свою въ одеждѣ цѣломудрія: но Раида содрогается, находя въ оной какъ бы предвѣщаніе, отреченіе отъ своего нѣжнаго друга. Долго Пламиръ любовался небеснымъ симъ изображеніемъ; наконецъ подаетъ его Раидѣ, брося на нее умолительный взоръ. Взоръ сей понятъ, и подобный портретъ скоро полученъ тайно изъ Москвы, и врученъ Пламиру. Онъ принимаетъ его съ изступленіемъ .... кладетъ на сердце свое, и клянется, что оной вѣчно на

мѣстѣ семъ пребудетъ... Увы! онъ сохранитъ клятву сію.

Съ тѣхъ поръ всѣ упражненія Пламира превратились въ одно. Все время, которое не былъ съ Раидою, любовался онъ ея портретомъ; лобызалъ его, прижималъ къ сердцу; иногда въ изступленіи покланялся ему, какъ нѣкоему божеству. Каждой день отыскивалъ новыя совершенства въ чертахъ своей любовницы; соображалъ ихъ съ душевными ея качествами, и новый Лаватеръ находилъ между обѣими совершенное сходство.

О! сколько онъ любилъ ее! каждой день больше и больше. Онъ не могъ жить минуты безъ нея, или безъ ея изображенія. Съ какою нетерпѣливостію, жадностію, онъ ожидалъ минуты, долженствующей рѣшить его судьбу! ... Она настала, сія ужасная минута .... О вы, которые получа отъ Небесъ чувствительную душу, будете читать повѣсть сію! вы конечно почтите слезою своею жребій нещастныхъ, достойныхъ лучшей участи.

Уже нѣсколько разъ Раида старалась вывѣдать стороною, не можно ли пере-

мѣнить намѣренія отца ея о замужствѣ. Она нечувствительно приводила сравненіе Пламира съ Блескаромъ, но отдавая всегда справедливость достоинствамъ Пламира. Злашимъ однако же притомъ только и оставался; и ежели когда Раида вмѣшивала въ разговоръ что нибудь, касающееся до перемѣны слова, или до разшедшейся какой свадьбы, старикъ всегда возставалъ противъ сего съ жаромъ, и называя безчестными таковые поступки, говорилъ, что Блескаръ въ случаѣ перемѣны своего намѣ-

ренія смертію заплатилъ бы ему такой отказъ. Раида трепетала, слыша сіи слова; сердце ея обливалось кровію, и она съ ужасомъ заключала паки въ себѣ тайну свою.

Однимъ утромъ Златимъ получаетъ съ нарочнымъ, что Блескаръ возвратился изъ арміи, и не зная его въ городѣ, проѣхалъ къ нему въ деревню и тамъ дожидается. Онъ въ возхищеніи прибѣгаетъ къ дочери. Раида только что встала съ постели, и окончала молитву, въ коей сердце ея умоляло Небо о соединеніи

съ Пламиромъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ! кричитъ старикъ. — Кто, батюшка? сказала трепещущимъ голосомъ Раида, какъбы предчувствуя ударъ, долженствующій сразить ее. — Блескаръ. — Раида поблѣднѣла, затряслась. Что съ тобою сдѣлалось? спрашиваетъ отецъ ея. — Батюшка .... онъ — Ну! онъ .... Чтожъ? онъ пріѣхалъ для окончанія свадьбы — Никогда — и повергласъ безъ памяти къ ногамъ Златима. Первыя движенія старика были помочь своей дочери: но едва она успѣла опомниться, какъ

ярость заступила мѣсто жалости. — Что значитъ это никогда? спросилъ онъ ее грознымъ голосомъ. Раида болѣе мертва, нежели жива, молчала — Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ онъ. — Рѣки слезъ были ея отвѣтомъ — Не думаешь ли ты, сударыня, по волѣ своей разполагать рукою своею, когда я уже отдалъ ее? — Вы можете отдать руку, но сердце — Сердце въ послушной дочери должно слѣдовать за рукой ея. — О! естьлибъ это было въ нашей волѣ! — Естьли это не въ твоей волѣ, такъ въ моей,

сказалЪ съ яростію ЗлатимЪ. Теперь мнѣ ясно все открылось. ПламирЪ причиною твоей непокорности. — Раида снова повергается кЪ ногамЪ неумолимаго отца своего. ОнЪ отталкиваетЪ ее. — Родитель мой! она вопіетЪ, что порочнаго вЪ страсти моей? Кто ее достойнѣе Пламира? — Ни слова обЪ немЪ. — Вѣчно обЪ немЪ говорить, мыслить, дышать имЪ буду. Любовь моя кЪ нему сЪ жизнью только прекратится. — Я прекрачу ее прежде . . . Ты будешь за БлескаромЪ или — Никогда. — Или проклятіе — Вы

властны въ жизни моей. — Такъ будь же ты проклята лютая и непокоривая дочь, стыдъ, посрамленіе и погибель отца твоего! — Раида не слыхала послѣднихъ словъ сихъ. При первомъ изреченіи проклятія она упала въ жестокой обморокъ. Карета была готова. Старикъ велѣлъ ее положить въ оную безъ памяти, и въ одиннатцать часовъ утра они уже были въ селѣ своемъ.

Спустя нѣсколько времяни послѣ ихъ отъѣзда, Пламиръ, по обыкновенію своему, пріѣзжаетъ къ Злашиму. То уже былъ второй

часъ. Онъ къ нему ѣхалъ обѣдать; ему сказываютъ, что Златимъ съ дочерью уѣхалъ въ деревню; подаютъ письмо; удивленный Пламиръ развертываетъ его и находитъ слѣдующее:

Милостивой Государь мой!

„Я можетъ быть виноватъ передъ вами, не сказавъ, что дочь моя помолвлена за Блескара. Сіе объясненіе моглобы многое предупредить. Я признаюсь въ прошибкѣ своей .... хотя нѣсколько и поздо; но надѣюсь, что теперь, когда вы сіе знаете, благо-

„разуміе и честность по„будятъ васъ оставить на„всегда домъ мой. Зная цѣ„ну достоинствъ вашихъ, я „не иначе, какъ съ крайнимъ „прискорбіемъ лишаюсь пріятнаго вашего общества, и „съ сими чувствами навсег„да честь имѣю пребыть

Милостивой Государь мой!
вашимъ преданнѣйшимъ слугою

Златимъ.

Нѣтъ! я не оставлю дома твоего, жестокосердой человѣкъ! вскричалъ Пламиръ. .... Я умру у ногъ твоихъ, или получу Раиду .... Кто таковъ сей Бле-

скарЪ? по крайней мѣрѣ любить онЪ больше меня не умѣетЪ. Я пойду оспоривать у него невѣсту мою на край вселенныя .... вЪ адЪ — и велѣлЪ скакать вЪ село кЪ Златиму.

На половинѣ дороги встрѣчаетЪ онЪ слугу Златимова, скачущаго во весь опорЪ. Сей увидя карету, останавливается, вручаетЪ ему письмецо, и скачетЪ назадЪ. Оно было отЪ Раиды. ВотЪ его содержаніе:

„Я сей часЪ обвѣнчана „сЪ БлескаромЪ. ПламирЪ за„быть меня долженЪ.

Раида.

Надобно знать, что Златимъ, оставя въ городѣ письмо къ Пламиру, предвидѣлъ, что ничто не удержитъ его пріѣхать къ нимъ, и дабы избѣжать непріятнаго явленія, едва прибылъ въ село свое, какъ приказываетъ священнику итти въ церковь, приводитъ въ оную полумертвую Раиду, и повелѣваетъ Блескару, подъ опасеніемъ отказа, тотчасъ и ничего не разспрашивая, итти вѣнчаться. Утопленный Блескаръ не смѣетъ ослушаться. Сіе ничтожное существо никогда собственной своей воли не имѣло, и

при малѣйшемъ видѣ твердости въ комъ нибудь привыкло уступать оной. Раида хочетъ говорить — Два пистолета въ моемъ карманѣ, сказалъ ужаснымъ голосомъ старикъ: одинъ для тебя, другой для меня. Будь убiйцею отца своего! — Обезумленная, почти лишенная чувствъ толико сильными и въ толь короткое время сразившими ее ударами Раида молчитъ; и невинная агница ведется на жертву, предстаетъ къ олтарю, подаетъ охладѣвшую руку Блескару, вѣнчается, и по окончанiи обряда, повелѣнiемъ

немилосердаго Златима, пишетъ къ Пламиру то, что видѣли. Въ семъ случаѣ желаніе ея уже согласовалось съ желаніемъ отца. Въ безднѣ, въ которую была ввергнута, она видѣла, что должно удалить Пламира; торопилась даже писать бѣдственное письмо свое, и старикъ, не мѣшкая ни минуты, посылаетъ его съ нарочнымъ, которой, встрѣтя Пламира на дорогѣ, вручаетъ ему оное.

Пораженный письмомъ симъ, какъ громомъ, Пламиръ воротился въ городъ. Онъ не стеналъ, не плакалъ,

даже не думалъ ничего. Чрезмѣрныя нещастія совершенно отнимаютъ у насъ на нѣсколько времени способность мыслить. Въ тотъ часъ не имѣешь никакого намѣренія; не дѣлаешь никакого предпріятія; почти бытія своего не ощущаешь. Таковъ былъ Пламиръ. Пріѣхавъ домой, какъ истуканъ, входитъ въ комнату. Съ стороны онъ показался бы спокойнымъ . . . . Спокойствіе сіе было спокойствіе смерти. Садится; сынъ къ нему прибѣгаетъ; разгорѣвшіяся щоки младенца поражаютъ его Охладѣлое его сердце отхо-

дить начинаетъ. Онъ беретъ его на руки. – Что ты мой другъ? – Голова болитъ, папинька. – Отъ чегожъ, мой милой? — Не знаю, папинька – Сей послѣднiй вопросъ довольно показываетъ странностiю своею разстройку его мыслей. Но болѣзнь любезнаго сына, потрясши онѣмѣлою въ немъ душею, возвращаетъ ее по малу къ чувствительности. Онъ заботится о немъ; посылаетъ за Докторомъ. Сей прiѣзжаетъ и сказываетъ, что у дитяти оспа. Тутъ горесть о невозвратной потерѣ любовницы умножаетъ любовь его къ сы-

ну, и заставляетъ еще болѣе трепетать о жизни его. Въ сынѣ семъ Пламиръ видитъ единственный предметъ, привязывающій его къ свѣту, послѣ лютаго разлученія съ Раидою. Онъ переводитъ младенца къ себѣ въ комнату, не отходитъ отъ него ни днемъ, ни ночью; не повѣряетъ никому кромѣ себя смотрѣть за нимъ и давать лѣкарство.... Тщетныя попеченія! Въ осьмой день сынъ его умираетъ. Сей послѣдній ударъ лишаетъ его всѣхъ душевныхъ силъ. Самоубійство представляется уму его един-

ственнымъ прибѣжищемъ; но правила, съ младенчества имъ принятыя, отражаютъ мысль сію. Однако же жить ему не можно; всѣ узы, къ жизни его привязующія, прерваны; всѣ связи съ міромъ разрѣшены; нѣтъ во вселенной предмета, которой бы не былъ ему ножемъ въ сердце вонзеннымъ. Онъ всемъ и самъ собою гнушается. Умремъ, сказалъ онъ, кровавый вздохъ изпустя изъ глубины разтерзаннаго сердца... умремъ.... но не какъ подлый невольникъ, украдкою бѣгущій отъ господина своего... умремъ

такъ, какъ мы жили ... съ пользою кому нибудь. Отечество мое наслаждается миромъ; мнѣ не льзя за него пролить кровь свою. Оно имѣетъ воюющихъ союзниковъ. Пойдемъ и замѣнимъ жизнiю своею жизнь кого нибудь не желающаго смерти ... Пойдемъ умереть на валу перваго Французскаго города, которой Цесарцы осаждать будутъ. Намѣренiе было рѣшительно. Онъ погребаетъ прахъ любезнаго сына, посылаетъ за лошадьми, а самъ садится писать къ Раидѣ. Вотъ его письмо.

Раида!...

„Я ѣду умереть. Ты „будешь довольна. На что „жизнь мнѣ безъ тебя?.. „безъ тебя, которой я по-„святилъ всѣ чувствія ду-„ши моей .... безъ тебя, „которой небесныя дарова-„нія почиталъ я основанны-„ми на чувствительности „сердца. Увы! онѣ были „орудіемъ гибели моей... „Раида!... ты могла мною „пожертвовать!... ты!... „съ такою жестокостію!... „и кому?... Я не вымолвлю „сего... Прости ... все для „меня погибло ....все, кромѣ „пламенной къ тебѣ страсти,

„которая въ раздранномъ „тобою сердцѣ до послѣдняго „издыханія пребудетъ.„

Конча письмо, посылаетъ его къ Раидѣ, а самъ выходитъ ѣхать. На крыльцѣ останавливается, возводитъ на небо томные взоры, всплескиваетъ руками: – городъ, возопилъ онъ, городъ, гдѣ я, услада горести мои, начиналъ было наслаждаться покоемъ! я выѣзжаю изъ тебя тьмократно нещастнѣе, нежели въ тебя въѣхалъ; прости!... ты больше не услышишь стенанія моего; земля твоя не окропится болѣе моими слезами,

и имя мое изгладится во вѣкъ изъ памяти жителей твоихъ!.. О! естьлибъ я никогда не въѣзжалъ въ тебя! — и повергся полумертвой въ коляску, а колокольчикъ полнымъ звономъ своимъ возвѣстилъ, что въ О* сдѣлалось меньше однимъ нещастнымъ.

Письмо Пламира отдано Раидѣ. Она читаетъ его почти равнодушно; чувство погасло въ ней, и сѣмя смерти лежало уже въ сердцѣ ея. Прежнихъ ударовъ довлѣло къ ея погубленію; сей послѣдній былъ уже лишній. Злѣйшая чахотка откры-

лась въ ней, и приближала ее ко дверямъ гроба. Кровь ручьемъ лилась изъ груди ея, и она чрезъ недѣлю послѣ свадьбы была не узнаваема. Поздно уже раскаевался Златимъ въ жестокости своей; поздно Блескаръ искалъ тщетными ласками оживотворить ее: она взирала на нихъ потусклыми очами; безъ злобы, безъ упрековъ принимала ихъ попеченія, и воздыхала только о той минутѣ, которая вмѣстѣ съ жизнію должна была окончить горести ея.

Между тѣмъ Пламиръ пріѣзжаетъ къ *Гр.* С*. Онъ

былЪ ему знакомЪ. Имѣя уже давно отпускЪ вЪ чужіе краи, проситЪ у него препоручительнаго письма кЪ Принцу К*, начальствовавшему тогда Императорскими войсками; получаетЪ его, оставляетЪ свое отечество, и пріѣзжаетЪ вЪ армію Цесарцовъ. Она осаждала Валансіенъ. ПламирЪ приходитЪ кЪ Предводителю; подаетЪ ему письмо отЪ *Гр.* С*; ПринцЪ его принимаетЪ ласково; разговариваетЪ сЪ нимЪ; встрѣчаетЪ вЪ немЪ, при благородномЪ образѣ изЪясненія, довольныя свѣденія; полюбляетЪ его, и спраши-

ваетъ, гдѣ и какъ онъ употребленъ быть хочетъ? — Тамъ и такъ, Ваша Свѣтлость, гдѣбы я могъ быть убитъ. — Таковый отвѣтъ изумляетъ Принца. Надобно, чтобъ вы претерпѣли великія нещастія — Позвольте мнѣ оныя сокрыть отъ Вашей Свѣтлости — Я почитаю тайну честнаго человѣка, и не допытываюсь. — Я чувствую вѣжливость Вашей Свѣтлости; дайте мнѣ почувствовать милость вашу, употребя меня. — Завтра назначено штурмовать этотъ отдѣленной редутъ, сказалъ Принцъ, указавъ его Пламиру;

желаете ли вы начальствовать двумя ротами, къ приступу назначенными? — Охотно — и откланявшись уходитъ. Возвращается къ себѣ, ложится, и въ первой разъ по разлученіи съ Раидою засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Возможность быть убиту, всякаго другаго превожущая, успокоила его, и онъ проспалъ до самаго того часа, какъ надобно было итти принять приказъ и начальство надъ войсками, ему ввѣренными. Тутъ его разбудили. — Наконецъ, говоритъ онъ твердымъ голссомъ, я успоко-

юсь... сложу тяжкое бремя жизни ... Раида! .. прими жертву сію — Вынимаетъ ея портретъ, которой всегда носилъ на сердцѣ своемъ; взираетъ на него съ возхищеніемъ, лобызаетъ его .... въ послѣдній разъ; опять опускаетъ къ сердцу; произноситъ внутренно краткую молитву Всевышнему, и идетъ къ своему дѣлу. Я не стану описывать подвига его; скажу только, что не взирая на страшное сопротивленіе Французовъ, редутъ былъ взятъ. Пламиръ первый бросается на него ... и падаетъ пронзенъ смерт-

нымъ ударомъ. Пуля, поразившая его, попала близъ сердца въ самой портретъ Раиды, и вдавила оной въ грудь Пламира. Лишеннаго чувствъ относятъ въ лагерь нещастнаго побѣдителя.

Приходитъ Лѣкарь, осматриваетъ рану, и готовится вынимать куски портрета, въ груди оставшагося. Пламиръ приходитъ въ чувство. — Стой! говоритъ онъ умирающимъ, но твердымъ голосомъ, врачу, хотѣвшему начать операцію: стой! ... я не допущу отторгнуть отъ сердца моего, этого небеснаго изобра-

женія . . . Тутъ настоящее его мѣсто . . . Требуетъ бумаги, и собравъ оставшіяся силы, пишетъ.

„Раида! Я сохранилъ „клятву мою. Божественный „образъ твой пребылъ у серд„ца моего до смерти . . . Я „уми. . . . „ Онъ не могъ продолжать. Силы, напряженныя желаніемъ писать къ его любезной, изтощась, вдругъ его оставили. Онъ упадаетъ на подушки, успѣваетъ только сказать вѣрному камердинеру своему — Раидѣ — и съ словомъ симъ изпускаетъ духъ свой.

Тѣло его съ военною почестію предано было землѣ. Принцъ К* почтилъ память нещастнаго героя слезами своими; и слуга съ письмомъ къ Раидѣ, оплакавъ его на мѣстѣ погребенія, возвращается въ Россію.

Между тѣмъ исторія Пламира сдѣлалась гласною въ арміи, и обстоятельства его прибытія, желанія умереть, и недопущенія вынуть изъ груди портретъ любовницы, показались довольно странными и трогательными Газетиру, чтобы помѣстить ихъ въ листахъ своихъ. Скоро Европа узна-

ла жалостное сіе приключеніе; и Раидѣ прочли оное въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ. При чтеніи произшествія съ портретомъ, она содрогнулась, не зная отъ чего. Пламиръ, пріѣхавъ въ Цесарскую армію, перемѣнилъ имя, и симъ ложнымъ именемъ названъ былъ въ Газетахъ; и такъ Раида не могла знать, что онъ былъ героемъ описаннаго приключенія; но сердце ея невѣдомымъ предчувствіемъ такъ стѣснилось, что она едва дослушать могла.

Раида была уже тогда въ отчаянномъ положеніи.

Чахотка въ ней такъ усилилась, что она не вставала съ постели. Тѣмъ временемъ камердинеръ Пламира пріѣзжаетъ въ Москву, и запечатавъ письмо господина своего, чрезъ почту доставляетъ къ Раидѣ. Она получаетъ его при отцѣ и мужѣ; развертываетъ, и узнаетъ руку дражайшаго своего Пламира. Читаетъ. Обстоятельства, описанныя въ Газетахъ, вдругъ представляются уму ея, и дѣлаютъ ей письмо Пламира понятнымъ. Она все узнаетъ... и смертный хладъ объемлетъ сердце ея. Движеніе

крови прерывается; руки, держащія письмо, нѣмѣютъ; глаза останавливаются, устремленные на бѣдственную бумагу ... Отецъ и мужъ, видя ее долго въ одномъ положеніи, подходятъ, кличутъ; она молчитъ. Прикасаются ей ... Она была мертва, и страстная душа ея въ жилищѣ праведныхъ соединилась уже съ душею вѣрнаго своего Пламира.

Конецъ.

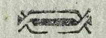

Сїе писмо найдено послѣ смерти Пламира между его бумагами. Должно думать, что онъ писалъ его предъ тѣмъ, какъ итти на приступъ, а кончилъ уже раненой и бывъ при смерти.

ПЛАМИРЪ КЪ РАИДѢ.

Се часъ приближился; сей вожделѣнный часъ,
Въ который солнце я узрю въ послѣднїй разъ;
Въ который страсти огнь, въ душѣ моей возженный,
Изчезнетъ -- кровїю моею погашенный.
Сей мигъ еще мнѣ жить оставленный судьбой,

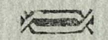
*

Немедленно умчитъ жестока смерть съ собой.
Употребимъ сіи оставшія минуты,
Минуты, купно мнѣ возлюбленны и люты;
Ахъ! посвятимъ ихъ всѣ владычицѣ моей,
И сердце пролiемъ въ послѣдніе предъ ней.
РАИДА! -- помнишь ли ты тѣ часы прелестны,
Какъ я въ первый узрѣлъ красы твои небесны,
Какъ сердце страстный огнь на вѣкъ во мнѣ зажогъ?
РАИДА! -- самъ въ тебѣ казался тутъ мнѣ Богъ.
Изчезнулъ гласъ, вся кровь вспыхнула и застыла;
Все въ мірѣ для меня ты вдругъ преобразила.
Яснѣе солнца лучь, свѣжѣе воздухъ сталъ;
Гармонію небесъ твой голосъ мнѣ внушалъ;

У сердца моего всѣ чувствія стѣснились,
И слившися въ любовь, къ РАИДѢ устремились.
Мой алчный взоръ къ тебѣ смущенье въ сердце вніосъ,
И лиліи лица покрылъ румянцомъ розъ.
Смущенье свойственно раждающейся страсти.
Ахъ! мнилъ ли я, что ты предвѣстье мнѣ напасти?
Ты сердце лестною надеждой усладя,
Мнѣ дало нову жизнь, совсѣмъ переродя.
Изчезли прежнія намѣренья и виды:
Я началъ жить, дышать, лишь только для РАИДЫ.
О ты, которая и нынѣ столь мила!
Повсюду за тобой любовь меня вела;
Глаза мои къ тебѣ повсюду прилѣпленны,
Являли чувствія тобою распаленны.
А ты? — Ахъ! и въ твоихъ я такъ же замѣчалъ,
Что равнымъ пламенемъ твой духъ мнѣ отвѣчалъ.
Но сей языкъ очесъ вѣрнѣе хоть бываетъ

Рѣчей, которыми лесть часто управляетъ;
Желалъ однакожъ я, любовью распаленъ,
Чтобъ жребiй мой мнѣ былъ изустно подтвержденъ.
Я случаю искалъ тебѣ открыться въ страсти.
Нашелъ, сказалъ, и весь твоей предался власти.
О часъ! -- я въ вѣкъ тебя въ умѣ не истреблю.
О часъ! -- когда ты мнѣ сказала: *я люблю*,
Что сталося со мной? -- умъ, чувства всѣ смутились;
Отверсты небеса въ лицѣ твоемъ явились.
Гласъ Ангельскiй тутъ былъ ушамъ моимъ твой гласъ,
И сердце я на вѣкъ вручилъ тебѣ въ тотъ часъ.
Съ тѣхъ поръ я душу зрѣлъ тобой лишь оживленну,
Съ тѣхъ поръ въ очахъ твоихъ я видѣлъ всю вселенну,
Съ тѣхъ поръ весь помыслъ мой РАИДУ былъ любить,

И все старание РАИДѢ угодить.
РАИДА! вспомяни тѣ времена блаженны,
Какъ нѣжной страстью мы взаимно восхищенны,
Не находили словъ для изъясненья чувствъ.
Жаръ страсти изъяснить есть выше всѣхъ искуствъ;
Все краснорѣчїе его представить мало,
Молчанье часто жаръ сей лучше объясняло,
И часто взглядъ одинъ пылающихъ очей
Увѣрить сердце могъ сильнѣе всѣхъ рѣчей.
Повѣрилъ я тебѣ — какъ было мнѣ не вѣрить?
Какъ думать, что и взглядъ умѣетъ лицемѣрить?
Твой страстный, томный взглядъ такъ нѣженъ былъ! такъ милъ!
Сто кратъ онъ больше словъ *люблю тебя* твердилъ.
И сердце страстїю лютѣйшею томимо,
Возмнило, что и впрямъ тобой оно любимо.

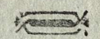

Увы! легко, легко повѣрится тому,
Что равно дорого и сердцу и уму.
Пріятною мечтой любовникЪ обольщенный,
Не рѣдко падалЪ вЪ ровЪ, цвѣтами замощенный.
И я вЪ подобной сей мечтѣ тебя любя,
РАИДА! — на землѣ сталЪ БогомЪ чрезЪ тебя;
Но скоро! — скоро все сіе перемѣнилось.
Блаженство райское вЪ скорбь адску претворилось,
Темницей мрачною содѣлался мнѣ мірЪ
И сталЪ забвенЪ, увы! — РАИДОЮ ПЛАМИРЪ.
О фуріи! сЪ тѣхЪ порЪ мнѣ вЪ сердце помѣщенны,
Ужель терзанія всѣ ваши истощенны?
О смерть! толико кратЪ призыванная мной,
Ужель коса твоя притуплена судьбой?
Но тщетно ты бѣжишь глуха кЪ моимЪ моленьямЪ,
Сыщу тобою я конецЪ моимЪ мученьямЪ.
Сыщу — сердечныхЪ золЪ рукой твоей избывЪ.

Какъ! я РАИДОЮ забвенъ -- забвенъ и живъ!
Нѣтъ, нѣтъ, и этова довольно преступленья,
Съ излишкомъ сдѣлано РАИДѢ оскорбленья.
Къ ПЛАМИРУ безъ любви, знай, и одинъ твой взоръ,
РАИДА, для нево есть смерти приговоръ.
Въ ужасной сей тоскѣ, которой совокупно
Природа и любовь рвутъ сердце неотступно;
Въ сей пропасти, куда меня низвергнулъ рокъ,
Кто можетъ быть, увы! на свѣтѣ столь жестокъ,
Чтобъ смертны отъ главы моей отвлечь удары?
О ты, къ намъ мещущiй со стѣнъ перуны яры
О Галлъ! -- не мни, не мни, чтобъ лестью распаленъ,
Я съ казнью на тебя явился устремленъ.
Не мни, чтобъ славы я прельстившися мечтою,

Для тщетныхъ лавръ искалъ лить кровь
твою рѣкою,
Или корыстію, иль гордостью дыша,
За златомъ иль честьми неслась моя
душа.
Одинъ -- одинъ теперь въ пространной
сей вселенной
Съ душею, горестьми на части раздро-
бленной
И съ сердцемъ, отъ утѣхъ отторжен-
нымъ на вѣкъ,
Я помню все, что я такой же человѣкъ.
Зря связи всѣ межъ мной и міромъ
разрушенны,
Способности ума бѣдами истощенны,
Ставъ тщетнымъ бремянемъ землѣ въ
тоскѣ моей,
Мнѣль, мнѣль рѣшить раздоръ народовъ
и Царей?
Воззри на сонмище, со мной летяще къ
бою;
Оно несетъ тебѣ жестоку смерть съ
собою.
А я! -- ахъ! въ страсти сей, которою
дышу,

Я смерти отъ тебя, о Галлъ! себѣ прошу.
(слышенъ выстрѣлъ пушки)
Но се къ сраженью знакъ въ мои ударилъ уши;
Вы, бѣдствіемъ людей гордящіяся души!
Вы, кои общее спокойствіе губя,
Игрушкой чтите жизнь нещастныхъ для себя!
Когда среди своихъ предначертаній злобныхъ
Вы топите поля въ крови себѣ подобныхъ;
Изъ тысячи злодѣйствъ, назначенныхъ въ сей часъ,
Пускай отъ одново хоть я избавлю васъ:
И изо всѣхъ сихъ жертвъ, на кои смерть стремится,
Пусть мною хоть одна севодни замѣнится.
Вотъ даръ, которова отъ Неба я прошу.
РАИДА! -- ты рекла: умри, и я спѣшу.

Тутъ пришли сказать Пламиру, что войски команды его готовы, и онъ пошелъ къ своему дѣлу. Извѣстно, какъ онъ его совершилъ. Принесенный съ смертною раною въ лагерь, онъ остановилъ лѣкаря, и потребовавъ письмо, такъ оное кончилъ:

Все кончено теперь и жертва совершилась,
РАИДЫ ненависть вся удовлетворилась.
РАИДА! ты, кого любить я клялся въ вѣкъ,
Ты, къ коей страсть мою и часъ сей не пресѣкъ;
Смотри -- се блѣдный трупъ ПЛАМИРА предъ тобою!
Вотъ рана, кровь его излившая рѣкою!
Вотъ рана, кою онъ какъ даръ принять спѣшилъ
Въ то сердце, что тебѣ на вѣки посвятилъ!

Зри взглядъ его, къ тебѣ при смерти обращенный;
Зри страсти пламень въ немъ лишь съ жизнью потушенный;
Примѣть запекшіясь уста его, примѣть;
Ихъ съ именемъ твоимъ на вѣкъ сомкнула смерть.
И вздохъ, послѣдній вздохъ тобой ПЛАМИРА мертва,
РАИДА! -- былъ его тебѣ послѣдня жертва.
Прости -- на пламенномъ я сердцѣ образъ твой
И смерти за врата теперь понесъ съ собой.

